

РАЗДЕЛ II. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

М. Г. Степанова
*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

ПАТРИОТИЗМ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Конец XVIII – первые десятилетия XIX века были эпохой крупных исторических событий: Великая Французская буржуазная революция, блистательное возвышение и драматический финал Наполеона, национально-освободительные революции – на Западе, Отечественная война 1812 года и восстание декабристов – в России... Все это порождало в сознании людей той поры обостренное чувство истории, в котором наиболее чуткие современники видели новую отличительную особенность столетия. Это во многом способствовало формированию особого «исторического направления» мысли и искусства. Вместе с тем национально-патриотический подъем, порожденный Отечественной войной 1812 года и последующим освобождением русскими войсками Европы от диктатуры Наполеона, вызвал повышенный интерес к русскому историческому прошлому. Отсюда – исключительный успех появившихся в 1818 году первых восьми томов «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Появление их, по словам Пушкина, прочитавшего их все «с жадностью и со вниманием», «наделало много шума и произвело сильное впечатление. Три тысячи экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили».

Вопрос о национальном характере русской культуры, о народности литературы являлся прежде всего утверждением ее общенационального значения, выражением борьбы за самобытный и вместе с тем «гражданский» характер. При этом патриотизм прогрессивной частью общества связывался прежде всего с ростом вольнолюбивых настроений, романтических в своей основе, дерзких и бунтарских. Обращение к героическим страницам прошлого должно было воспитывать гражданское мужество и духовное родство всей нации в целом, но на основе сильной поляризации внутри общества, отрицания «отжившего» и духовно «умершего».

Именно из этих принципов исходила теория и эстетика русского прогрессивного романтизма, сочетавшего требование национальной самобытности с

гражданской направленностью литературы. По мнению Сомова, романтическая поэзия и есть литература национальная, выражающая характер народа, она должна быть оригинальной, самостоятельной, тесно связанной с народным творчеством, с национальной историей. В народных преданиях и песнях, утверждал Сомов, следует искать «свежесть мыслей», «живое, пламенное изображение», «твердость духа, презиравшую все опасности». Те же взгляды развивал и К. Рылеев в своей статье «Несколько мыслей о поэзии», видя в романтизме отказ от омертвевших форм классицистической эстетики и противопоставляя им требование такой «поэзии», в которой нашли бы наиболее полное выражение «идеалы высоких чувств» и «мыслей». Причем даже сами будущие декабристы в то время мало задумывались над тем, что «высота духа» скорее и ими самими ощущалась как сила бунтарства.

Патриотизм толковался порой настолько широко, что каждый из писателей-романтиков мог найти свой акцент, свой сюжет и своего героя. В повестях А. О. Корниловича («Татьяна Болтова и «Андрей Безыменный»), например, исторический процесс уже лишен налета авантюриности, но герои как бы «растворяются» во времени. Борис Болтов «растет» вместе со своим временем: сначала отец обучает его грамоте, затем отправляет в «цареву службу», Борис участвует в войне со шведами и, наконец, вместе с армией возвращается на родину. Герой не испытывает «сопротивления» времени, он везде и всегда оказывается вовремя, и удача постоянно сопровождает любое его действие. Все герои этих повестей, даже те, в руках которых оказывается судьба Татьяны Болтовой или Андрея Безыменного, остаются на бытовом уровне восприятия действительности. Две сферы жизни человека – бытие историческое и частное – очень четко разграничены. История же творится действиями царя Петра I, эта сфера недоступна другим героям, что-то произойти может только через его посредничество. Вследствие этого противостояние «человек – время» оказывается опосредовано другим: «человек – человек». Патриотическая же идея в первую очередь связана с образом Петра I, «властителя дум» той эпохи, человека, повернувшего страну «вспять», указавшего новые пути ее развития.

В повести Н. Полевого «Краковский замок» факт временного захвата французами крепости показывается повествователем на фоне противостояния французского министра Шуазеля и императрицы Екатерины Великой. Шуазель считал, что «слова: все потеряно, кроме чести, должны быть его девизом» (2 : 440). Повествователь подчеркивает, что честь для французов этого времени состояла не в громких военных победах, а в шуме побед в «войне политиков», в которую Франция умело втянула все европейские дворы (захват Краковского замка в этом случае становился лишь проявлением политической борьбы, а не вызовом русской армии). Екатерина же «умела запутать политику Польши лучше гордиева узла и знала, что в Европе не было Александра, меч которого разрубил бы узел этот» (2 : 442). Она не считала французов серьезными врагами из-за беспечности их представителей: «Екатерина смеялась замыслам Шуазеля: она хорошо знала состояние Польши, так хорошо, что не хотела даже сердиться на французов; шутя писала обо всем этом к Вольтеру и объявила, что она не имеет войны с Францией» (2 : 443).

Все эти рассуждения повествователя позволяют увидеть рассказанный им случай как одно из многочисленных столкновений, характерных для европейской политики того времени и выявляющих «кредо» противоборствующих сторон. Русские войска очередной раз доказали свое право руководить европейской политикой, а французы уже в который раз создали «прецедент», наделали много шума, создали видимость борьбы и победы. Шуази – один из многочисленных агентов Шуазеля – не понимает всей сложности политической интриги, и для него провозглашение Краковского замка польским владением не более, чем своенравная, необдуманная шалость или «подвиг» во имя любви к «прекрасной Эмили», которая находится под властью коменданта Краковского замка. В этой повести Н. Полевого патриотизм связан в первую очередь в установлении превосходства русской армии и политики над французской – пафос, во многом характерный для Петровской эпохи, можно даже сказать, что и для всего XVIII века. Причем в данном случае писателя не интересуют те способы, которыми было достигнуто это превосходство: можно даже воспользоваться для этого сточной канавой, т. е. любое плутовство. «История» приобретала в этом случае характер анекдота, а прав становился тот, кто не побоялся сделать дерзкий, но никому не нужный и ничего не меняющий в общем положении вещей вызов.

В «Повести о Буслае Новгородце», первом художественном произведении Н. Полевого, наоборот, с самого начала появляются герои, связанные с народнопоэтической традицией. Умалчивая о разногласиях между различными районами («концами») Новгорода, об истинных причинах ссоры с московским князем, сказитель объясняет их противоборство исконными свойствами характера новгородцев, нашедшими выражение в старой поговорке: «Кто против Бога и Великого Новгорода?» (1 : 196). О разногласиях между Москвой и Новгородом сказитель отзывается следующим образом: «В Москве княжил Князь Димитрий Иванович, и Новгород с ним не ладил; войны не было, да и мир не походил на мир» (1 : 197–198). У удалого вольного Новгорода появляется достойный противник – Великий князь Московский: «Со времен Куликовской битвы не видали такого грозного ополчения... Великие духом умеют одушевить, слить в одно желание сердца всех. Димитрий, победитель Мамаю, мог и умел показывать силу великих талантов, какими одарил его Бог на счастье Руси, во всех случаях, когда он предавался сильной, порывистой воле своей, и не боялся обстоятельств, не слушал советов других» (1 : 265).

Создается впечатление, что в повести действуют не реальные силы – свободная новгородская республика и князь, стремящийся к объединению всех княжеств под властью Москвы, – а былинные богатыри. Само имя Буслая ассоциативно связано с именами героев былин новгородского цикла – Васьки Буслаева и его отца Буслая. Кроме того, Буслаю (герою повести) – как и герою новгородского цикла былин Василию Буслаевичу – свойственны необузданная сила («Буслай ходит один на целую стенку в кулачном бою» (1 : 204)), вольнолюбие, доходящее до анархизма, веселый разгульный характер («У тебя только такая буйная голова, что хоть все пропадай» (1 : 203)). И в то же время Буслай является выразителем «народного силлогизма истории», т. е. коллективного представления народа о ней (в противоположность ментальной модели). Герой слышит в вечевом колоколе

«голос вольности Новгорода», говорит всегда от имени «Великого Новгорода»: «Не почти хвастовством, когда я скажу тебе, что и бояться нечего. Мы уж привыкли к таким суматохам; они веселят сердце вольного Новгорода» (1 : 212). Однако, когда на чаше весов оказывается судьба города и его жителей, Буслай готов отказаться от всего во имя их. «Народный силлогизм истории», как его понимал Н. Полевой, изначально оказывается вне категории временной изменчивости, он тесно связан с традиционными, веками складывающимися взглядами и обычаями. Буслай не верит в возможность каких-либо перемен в мире. Последующие события докажут его неправоту и ограниченность понимания истории, но писатель все равно поэтизирует образ народного героя-защитника, который может пожертвовать своей жизнью ради жителей Новгорода. Это уже патриотизм иного рода. Основой его является не желание превосходства над другой нацией или мифологизация образа правителя, но истинно народное представление о высшей свободе духа, скрепляющее между собой отдельные эпохи и события. Современники писателя называли эту позицию писателя «ограниченной», лишенной понимания логики развития исторического процесса. Но в этом «народном силлогизме» истории было большее – желание понять русского человека, новгородца в данном случае, изнутри, в его идеальном измерении, перед которым на второй план может отойти даже историческая правда.

Таким образом, «размытость» границ патриотической идеи в творчестве романтиков приводила к тому, что она объединяла самые разные ее «оттенки». Далеко не всегда писатели задумывались над тем, что вызов как отличительное свойство их героев может быть бессодержательным и даже пагубным, что волюнтаризм мысли не может привести к единению общества, скорее речь может идти об идеологическом расколе. «Корректирующим» вектором для многих из них на пути познания национальной идеи становился фольклор, мудрость, заключенная в нем народным самосознанием.

Библиографический список

1. Полевой Н. А. Повести Ивана Гудошника. В 2 ч. СПб., 1843. Ч. 1.
2. Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков. М., 1986.

А. А. Белый

Пушкинская комиссия ИМЛИ РАН

ПРОБЛЕМАТИКА ВЕРЫ В «МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЯХ» А. С. ПУШКИНА

В истории двухвековой традиции *понимания* творчества Пушкина выделяют два основных русла. Первое, именуемое «леонтьевским», объединяет точки зрения, исходящие из парадигмы «пышного языческого гения». В ее пределах творчество Пушкина мыслится как чисто светское, религиозная компонента если